

ТВОРЧЕСТВО Е.И.ЗАМЯТИНА ГЛАЗАМИ ПОЛЬСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Евгений Иванович Замятин¹, самобытный русский прозаик XX века, всю свою жизнь оставался «неудобным» для властей писателем, который боролся за творческую независимость и отстаивал свое право на самостоятельность мысли. Он считал, что настоящий художник должен быть «безумцем, бунтарем, еретиком»[11; 352]. И выбрал такой же путь, путь революционера в искусстве. Свой писательский долг он реализовал с помощью острой критики и горькой правды, обращаясь не к идеализированной, а реальной действительности. Может быть поэтому творчество Замятина до сих пор является актуальным и привлекательным, живым и многосторонним. С другой стороны, это привлекло к назойливой нагонке на писателя и, следовательно, к его аресту. С 1931 года по 1936 год ни один текст писателя не дождался печати в СССР. В советской литературе он был «*persona non grata*», но до конца остался верен себе и своим принципам.

После нескольких десятилетий молчания литературной критики о Замятине сейчас появились исследовательские работы, которые подробно анализируют его творчество и оригинальную технику повествования. В настоящее время многие теоретики литературы – русские и иностранные, в том числе и польские, называют его классиком русской прозы XX века, выдающейся личностью литературы 20-х и 30-х годов. Оказывается, что Замятин был не только одаренным писателем и драматургом, но к тому же оригинальным критиком и теоретиком литературы, переводчиком, издателем, учителем молодых литераторов и активным деятелем петербургской культурной жизни в первых годах после Октябрьской революции. Он является одним из важнейших звеньев, соединяющих русский модернизм с литературой 20-х и дальнейших лет.

Неудивительно, что и польские исследователи и теоретики литературы, переводчики проявили интерес к этой талантливой личности и к ее творчеству. В данной статье мы попытаемся сделать обзор наиболее значимых научных работ, относящихся к Замятину, в которых дается характеристика жизни и писательской деятельности художника, а также отметим перевод «Мы» Замятина на польский язык.

Начнем с обзора «Словаря русских писателей»[7; 104-106], изданного в Варшаве и 1994 году под редакцией Флориана Неуважного, профессора, доктора филологических наук, литературоведа, специалиста в области восточнославянской и украинской литературы из Варшавского университета. В словаре фамилия Замятина упоминается несколько раз. Здесь дается краткая биографическая статья, которая представляет литературные достижения писателя. Рядом с заглавиями художественных произведений (рассказов, повестей, романа-антиутопии, драм) перечислены важнейшие публицистические тексты, помещенные в сборнике эссе и

¹ Е.И.Замятин (1884 - 1937), прозаик. Уроженец Тамбовской губернии.

Его творчество было многообразно в жанровом отношении: романы, повести, новеллы, рассказы, сказки, чудеса, драмы... Человек высочайшей культуры, один из самых образованных людей своего времени. Стал одной из самых заметных фигур в российской литературной жизни. Оказал влияние на литературную группу «Серрапионовы братья», с которой был творчески близок. Более подробно смотри об этом в: [15]

публицистических очерков в томе «Лица», изданным в 1967 году в Нью-Йорке. В биографии прозаика мы находим также попытку определить литературные инспирации Замятина, среди которых как наиболее существенны отмечены рассказы А. Франца и романы Ф.М. Достоевского («Братья Карамазовы», «Бесы», «Преступление и наказание»). Роман «Мы», согласно автору статьи, является самым известным произведением писателя.

Фамилия Замятина прозвучала и в других статьях словаря: в пароле «дом искусств» - название русской организации деятелей литературы и искусства, в которой он исполнял функцию члена Высокой рады, и в пароле «тамиздат», так как это понятие появилось и стало эпизодически функционировать в 20-х годах при случае травли «живых» писателей, между прочим Замятина и Пильняка.

В словаре характеризуется также силуэт русского литературного критика, Олега Михайлова, благодаря хлопотам которого в СССР были изданы некоторые произведения Замятина и других писателей-эмигрантов.

В свою очередь профессор Тадеуш Климович, член Польской Академии Наук, историк русской литературы, специалист в области русской литературы XX века из Вроцлавского университета, в «Путеводителе по современной русской литературе и ее окраинах (1917-1996)»[3; 741-743], изданном во Вроцлаве в 1996 году, помещает небольшое сведение о писателе, ссылаясь на слова Анны Гильднер, самого известного польского исследователя жизни и творчества Замятина. В основном Климович перечисляет произведения Замятина вместе с годом их издания. Здесь почти отсутствуют критические комментарии о творчестве писателя. Как представляется, у Климовича прослеживается слишком селективный подход к биографическим данным о Замятине, в результате чего в книге дается очень сжатая и поверхностная версия биографии прозаика-инженера. Здесь особенно подчеркивается принадлежность Замятина к русским эмигрантам.

Раньше, в статье «Серapiоновы братья», Замятин упоминается исследователем как член этой писательской петербургской группировки и участник семинаров, наряду с К. Фединым, Л. Лунцом, М. Зощенко, В. Ивановым и другими лучшими писателями молодого поколения. Краткость и лаконичность статьи о Замятине, по всей вероятности, обусловлена характером справочника, автор которого хотел представить польскому читателю лишь общие сведения о русских писателях после 1917 года и характерных явлениях русской действительности. Лексикон состоит из двух частей. В первой рассматриваются понятия, помогающие раскрыть специфику русского менталитета (например, *чека*, *алкоголь*, *гomo советикус*, *гomo-сос*, *ностальгия* и другие) и исторического процесса развития современной русской литературы (например, *Лианозово*, *имажинизм*, *эмиграция*, *попутчик* и так далее).

Анджей Дравич² (1932-1997) - пропагандист русской культуры и литературы в Польше, который боролся со стереотипами, выросшими на польской почве вокруг России и русских, в учебном пособии «История русской литературы XX века» дал четкую характеристику русской прозы 20-х годов. Подробному анализу подвергается здесь термин «орнаментальная

² А. Дравич – профессор, литературный критик, эссеист, историк русской литературы, переводчик, связанный с “Tygodnikiem Powszechnym”; оппозиционный деятель в 60-х и 70-х годах; научный сотрудник Варшавского и Ягеллонского университетов, член Польской Академии Наук; издатель Воспоминаний Надежды Мандельштам, автор Советской литературы 1917-1967 годов, научного пособия История русской литературы 20 века, первой польской монографии о М.Булгакове (Мастер и дьявол), а так же ряда других работ: Другая Россия, Спор о Россию, Поцелуй на морозе; переводчик между прочим Б. Окуджавы, А. Платонова, М. Булгакова, Венедикта Ерофеева; издатель рассказов и повестей М. Зощенко. См. об этом: [14]

проза», названный Воронским в журнале «Красная новь» «неореализмом» [1; 212]. Родоначальником новой прозы, пишет польский исследователь, являются Замятин, Ремизов и Белый [3; 741-743], опирающиеся на литературную традицию Лескова и Гоголя.

Дравич пытается найти причины возникновения нового литературного течения и определить ее отличительные черты. Используя слова писателя, он объясняет потребность создать новые формы выражения: «Сегодня нужны автомобили, аэроплан, мелькание, лет, точки, секунды, пунктиры. Старых, медленных, дормезных описаний нет: лаконизм – но огромная заряженность, высоковольтность каждого слова[...] и синтаксис становится эллиптичен, летуч, сложные пирамиды периодов разобраны по камням самостоятельных предложений. В быстроте движения канонизированное, привычное ускользает от глаза: отсюда – необычная, часто странная символика и лексика. Образ – остр, синтетичен, в нем – только одна основная черта, какую успеешь приметить с автомобиля» [12; 391-392].

Литературный критик указывает на существенную роль Замятина в формировании «неореализма», а в дальнейшем дает биографическую справку, в центре внимания которой нашлась, кроме информации о художественной деятельности «гроссмейстера литературы» [4; 13], попытка определить писательскую манеру Замятина. В тексте Дравича Замятин представлен как независимый писатель, анархист-пантеист, скептик с чувством юмора и одновременно пронизательный критик, талантливый аналитик тогдашней литературной ситуации. Критик пишет также о интересе писателя к двум противоположным понятиям: *энтропии*, отождествленной со всяким маразмом, застоем, и *энергии*, то есть бесконечной революции, понимаемой в философском смысле. Роман «Мы» - это реализация теоретических взглядов писателя-еретика в конкретной политико-общественной обстановке в вымышленной художественной вселенной. Дравич отмечает, что этот роман положил начало антиутопиям, затрагивающим антитоталитарную проблематику – между прочим антиутопии «Новый прекрасный мир» О. Хаксли и «1984» Дж. Оруэлла, и стал поводом травли писателя, а в результате - причиной его исключения из Союза писателей.

Польский исследователь, как один из немногих, замечает, что понятие *отмалчивания* стало функционировать в советской действительности после кампании против «аполитических» писателей, таких как Замятин и Пильняк, и что разрешение Сталина на выезд Замятина из СССР является фактом беспрецедентным.

В лексиконе «Кто есть кто в России после 1917 года» И. Смага и Г. Пшебинда помещают небольшую, информативную словарную статью об авторе первой, с точки зрения жанра, антиутопии. В статье, наряду с обзором литературных достижений Замятина, подчеркивается значение для творчества писателя его политехнического образования и поездки в Англию с целью строить русские ледоколы. Учитывая безупречные манеры и высокое образование Замятина, в литературной среде его звали «англичанином» - отмечают авторы статьи. Далее следует сообщение об активном участии писателя в культурных предприятиях Горького и тематике, затронутой в избранных произведениях («Пещера, «Мы» и «Огни святого Доминика»). Относительно романа «Мы» выражено мнение, согласно которому это произведение отличается высшими художественными ценностями по сравнению с антиутопией Оруэлла «1984» [8; 325]. Как и в других биографиях, здесь отражены проблемы с публикацией замятинской антиутопии в советской России. Однако факт, что в Париже

писатель не поддерживал контактов с политической эмиграцией и до конца своей жизни сохранил советское гражданство, польский читатель найдет далеко не во всех литературных энциклопедиях.

С другой перспективы на личность Замятина посмотрел доктор исторических наук М. Смолен в учебнике «Потерянные декады. История СССР 1917-1991». Историк причислил Замятина - рядом с Есениным, Бабеелем и другими, к группе самых главных *писателей-попутчиков*.

Среди произведений писателя исследователь упоминает антиутопию «Мы», которую считает первым великим достижением советской прозы, пользующимся признанием и успехом в кругу мировой литературы. Смолен утверждает, что Замятин был первым писателем, который «заметил начало новой эпохи, угрожающей культуре и свободному творчеству»[9; 126], вещим философом, который пытался ответить на вопрос: что произойдет с человеческой жизнью, если она станет подвергаться полному контролю государственным аппаратом; что случится с литературой, если лишить ее правды и свободы, и подчинить чисто утилитарным целям. Историк находит также сходство между Замятиным и К. Малевичем в подходе к искусству. В дальнейшем, рассматривая эмиграционную литературу, он констатирует, что почти все выдающиеся поэты, исключая В. Ходасевича, М. Цветаеву, В. Иванова и К. Бальмонта, остались в СССР, а выдающиеся прозаики, в том числе А. Куприн, И. Бунин и Е. Замятин, уехали из Советской России.

В монографии историка русской литературы, специализирующегося в современной и фантастической прозе, профессора, доктора филологических наук из Лодзинского университета Татьяны Степновской, одна из глав посвящается Замятину, его антиутопии «Мы» в контексте ее связи с концепцией *нового человека*[10]. Здесь дается анализ образа государственного строя представленного в романе и его соотношение с советской действительностью, упоминаются революционные взгляды писателя, а также его бескомпромиссная, отважная критика пороков и злоупотреблений советской власти. Исследователь, ссылаясь на Л. Геллера, отмечает, что Замятин не боялся системы, а наоборот, система боялась Замятина[9; 86], поскольку несмотря на усилия не могла подчинить себе «живого» писателя, который не боялся задавать отважные вопросы: «почему?» и «что дальше?», устремленные в будущее.

Проблема жанра антиутопии и ее поэтики, а также литературные инспирации, которые значительно повлияли на замятинское произведение, нашли свое отражение в рассматриваемой научной работе. Упоминается теория эволюции К. Дарвина, термин эволюционизм и их корреляция с научно-фантастической прозой, а также фамилия Уэллса, из творчества которого черпал Замятин. Согласно словам исследователя о новаторстве последнего в области русской литературы свидетельствует не только оригинальная писательская манера, но также его особый подход к достижениям науки, которые были исходным пунктом творческих поисков русского прозаика, толчком к размышлениям о человеке и о будущем, вылившихся в антиутопию. Другим толчком к созданию текста была окружающая писателя действительность и беспощадность коммунистической системы, которая проявлялась во всех аспектах человеческой жизни. Степновская пытается найти соответствия между событиями, происходящими в тогдашнем Советском Союзе, и реалиями, представленными в тоталитарном, но отвлеченном художественном мире Д-503.

Одновременно историк литературы рассматривает в работе к биографическим мотивам автора «Мы». Он указывает революционное прошлое писателя-еретика, который какое-то время был большевиком, революционным активистом³. Благодаря этому сложность позиции, с которой пишет антиутопист, не сужается и не становится плоской, однозначной.

Несомненно, важным достоинством этой работы является богатая библиография и сноски на научные работы исследователей, пользующихся общим признанием в области теории и истории литературы, истории или философии. Среди самых важных необходимо отметить, например работы М. Чудаковой, А. Валицкого, М. Любимовой и Л. Геллера.

В свою очередь монография Анны Гильднер, профессора Ягеллонского университета, полностью посвящена творчеству и жизни Замятина. В печатном виде «Проза Евгения Замятина» появилась в 1994 году. Она состоит из шести глав. Каждая из них сосредоточивается на избранных произведениях, которые изображают определенный аспект мировоззрения писателя, эволюционный путь его творчества. Звенем всех глав есть категория пространства, которое функционирует у Замятина в разных вариантах. Согласно А. Гильднер в очередных моделях пространства изменяется концепция времени, повествователь, герой и язык [2]. Что больше, пространственные отношения влияют на способ изображения героев, учитывая так внешний вид, как и нравственную характеристику персонажей.

Эта работа не содержит точной презентации и интерпретации философско-эстетических взглядов Замятина, поскольку, как отмечает автор, на эту тему уже возникли научные тексты – монографии и статьи европейских исследователей литературы⁴. Польский исследователь сосредотачивает свое внимание на исчерпывающей биографии писателя и тщательном анализе текстов с точки зрения категории пространства. Кроме того в работе мы найдем главы, посвященные различным другим научным проблемам: пространство революции и тоталитаризма, топос острова, образ провинции в прозе Замятина, особенности сюжета и форм повествования. Они представлены добросовестно, интересно, достаточно объективно. В состав библиографии входят тексты Замятина и работы русских, американских и европейских филологов, философов и историков. На диссертационную докторскую работу Гильднер ссылаются все польские исследователи, занимающиеся творчеством Замятина.

Последним текстом, о котором следует упомянуть, есть статья выдающегося польского историка русской литературы XX века, профессор Янины Салайчиковой. Интересным может показаться факт, что статья о «Мы» издается в „*Studia Rossica Posnaniensia*” в 1988 году, то есть в году первой публикации романа в России, после 60-и лет молчания. Рассматриваемый научный текст под заглавием «К вопросу о литературном эксперименте» в русской советской прозе двадцатых годов. Роман Е. Замятина «Мы» как антиутопия», сосредоточивает внимание на новаторских чертах романа и воплощении эстетических взглядов Замятина в «Мы». В нем «указываются русская родословная утопии [...], - пишет в резюме на русском языке Салайчикова, - а также генезис, истоки и конкретные идейные и структурные признаки, подтверждающие принадлежность «Мы» к жанровому инварианту дистопии»[6; 104]. К тому же анализу подвергаются следующие категории: фабула, конфликт, художественная действи-

3 Т. Степновска, вслед за М. Любимовой, подчеркивает значимость влияния жены, Л. Усовой, ее политической деятельности и революционных взглядов, на формирование мировоззрения Замятина [10; 81-84].

4 А. Гильднер упоминает работу L. Schefflera *Zamjatins Konzeption vom zeitkritischen Schriftsteller*, S.J. Laytona *Zamjatins Neorealizm*, Kaspera *Die Evolution des Literaturverstandniss von Evgenij Zamjatin* и другие. [2; 27]

тельность, повествование и герой. Подчеркиваются заслуги Замятина в становлении жанра антиутопии, новаторство философско-эстетических взглядов писателя и его пристрастие к литературным экспериментам, которые наиболее полно отразились в романе.

Подытоживая статью, Салайчикова указывает на синкретизм как существенную черту произведения «Мы», к которому относились и на которое опирались позднейшие антиутописты, в том числе известный пропагандист жанра антиутопии Дж. Оруэлл. Историк литературы справедливо замечает, что «*Англичанин*» из *Лебедяни*[2; 5] был оригинальным прозаиком, сочетающим элементы символизма и авангарда, и талантливым теоретиком литературы, повлиявшим на русский неореализм 20-х годов. Согласно моему мнению, этот научный труд заслуживает особого внимания всех тех, кто серьезно занимается антиутопией «Мы».

Наконец несколько замечаний о переводе антиутопии «Мы»[13] на польский язык, автором которого является А. Поморски. Следует отметить, что перевод Поморского является единственным на польском издательском рынке. Переводчик дает небольшое вступление к тексту, где знакомит польского читателя с до сих пор неизвестным ему русским писателем. Вскоре оказалось, что изданная в Варшаве в 1989 году книга стала пользоваться огромным успехом в кругу польских читателей, которые уже встретились с жанром антиутопии при случае издания романа Оруэлла. По сей день книгу Замятина можно приобрести в хорошо снабженных польских книжных магазинах, не исключая возможности покупки «Мы» с помощью Интернета.

Подводя итоги, следует отметить, что данная работа не исчерпывает полностью темы, однако дает общие сведения насчет интереса польской науки, то есть филологии, истории и философии, к творчеству Замятина. Живой интерес исследователей к нему еще раз подтверждает насколько интересным и новаторским писателем был Замятин, если современные ученые, в том числе польские, все занимаются его творчеством - публицистическими и художественными текстами, и находят новые перспективы интерпретации, которые считают достойным внимания и подробного анализа. Это неудивительно, поскольку «сегодня Замятин входит в XXI век как наш современник, - констатирует Ст. Никоненко, - чье творчество не утратило ни своей актуальности, ни красок, ни жизненной силы»[5; 18].

ЛИТЕРАТУРА

1. Drawicz A., *Historia literatury rosyjskiej XX wieku*, Warszawa 1997.
2. Gildner A., *Proza Jewgienija Zamiatina*, rozprawa habilitacyjna, Kraków 1993.
3. Klimowicz T., *Przewodnik po współczesnej literaturze rosyjskiej i jej okolicach (1917-1996)*, Wrocław 1996.
4. Михайлов О., *Гроссмейстер литературы*, [в:] Е.И.Замятин, *Избранные произведения*, том 1, Москва 1990.
5. Никоненко Ст., *Замятинская улыбка*, [в] *Антология сатиры и юмора России XX века*, Е.И.Замятин, том 28, Москва 2003.
6. Sałajczykowa J., *Z problematyki eksperymentu literackiego w rosyjskiej radzieckiej prozie lat dwudziestych. Powieść E. Zamiatina My jako utopia odwrócona*, [w:] *Studia Rossica Poznaniensia*, Vol. XIX, Poznań 1988.
7. *Słownik pisarzy rosyjskich*, pod red. F. Nieuważnego, Warszawa 1994.
8. Smaga J., Przebinda G., *Kto jest kim w Rosji po 1917*, Warszawa 2000.
9. Smoleń M., *Stracone dekady. Historia ZSRR 1917-1991*, Warszawa 1994.

10. Stepnowska T., *My Jewgienija Zamiatina i koncepcja „nowego człowieka”*. *Wizje przyszłości cywilizacji umysłów zniewolonych*, [в:] *Heretycy i prawomyślni. Rosyjska proza fantastyczna po roku 1917 wobec koncepcji „Nowego człowieka”*, Łódź 2001.
11. Замятин Е.И., *Я боюсь*, [в:] Е.И.Замятин, *Избранные произведения*, том 2, Москва 1990.
12. Замятин Е.И., О литературе, революции и энтропии, [в:] Е.И.Замятин, *Избранные произведения*, том 2, Москва 1990.
13. Zamiatin E., *My*, tłumacz. A. Pomorski, Warszawa 1989.
14. <http://encyklopedia.interia.pl/haslo?hid=134345>;
15. http://pl.wikipedia.org/wiki/Andrzej_Drawicz
16. <http://www.krugosvet.ru/articles/69/1006936/1006936a1.htm>
17. <http://www.tstu.ru/win/kultur/literary/zam/titul.htm>